

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология, Контексты культуры и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.С. ВОРОНЦОВ И А.С. ПУШКИН: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В.Н. Алексеев

Московский государственный областной гуманитарный институт, Россия

Введение. Исследователю биографии М.С. Воронцова невозможно оставить без внимания факт пребывания А.С. Пушкина в одесской канцелярии графа Воронцова в 1823–1824 годах. В советской историографии отношения между этими двумя людьми стали придавать настолько большое значение, что большинству людей граф Воронцов долгие годы был известен только как гонитель и один из самых заклятых врагов поэта. В результате те полтора года, что Пушкин провел в Одессе под начальством Воронцова, оказались едва ли не самыми существенными в долгой и насыщенной яркими событиями жизни биографии М.С. Воронцова, которого все современники считали человеком чрезвычайно порядочным и не замешанным ни в каких интригах. Как справедливо замечал В. Тен, «к сожалению, из-за истории со ссылкой Пушкина в Михайловское Воронцов оказался дискредитирован, причем, настолько, что его часто не включают даже в списки героев Отечественной войны 1812 года» [1].

Исследованием темы «Воронцов и Пушкин» занимались и занимаются преимущественно пушкинисты, уже по роду своей деятельности склонные к необъективности оценки каждой из указанных личностей. Практически в любой посвященной этой теме работе встречаются очень резкие и оскорбительные высказывания в отношении графа и крайне негативные оценки его моральных качеств. Например, в работе Л.М. Аринштейна, специально не занимавшегося биографией Воронцова, имеются такие фразы: «Конечно, Воронцов не был бы Воронцовым, если бы он не завуалировал донос несколькими красивыми фразами...», «Это была та высшая форма всеподданнейшего усердия, которую от Воронцова ждали...», «Воронцов идет на откровенную провокацию: он готовит Пушкину... командировку на саранчу», «Воронцов едва ли удивился, когда Пушкин подал ему прошение об отставке» [2]. Подобным же образом отзывается о Воронцове и С.А. Абрамович: «о его истинных чувствах догадывались немногие», «со стороны Воронцова всё это было точно рассчитанным ходом», «Воронцов был достаточно проницателен, чтобы предвидеть реакцию Пушкина», «Воронцов под маской неизменной любезности затаил недоброжелательность, очень похожую на ненависть» [3].

В сочетании с известной пушкинской эпиграммой на графа, без упоминания о которой не обходится ни один автор, всякое исследование одесского периода жизни Пушкина превращается в обвинительное заключение против Воронцова. Неудивительно, что при такой направленности исследований сложный и недостаточно отраженный в документах вопрос о причинах ссылки Пушкина в Михайловское неизбежно сводится к поиску причин, по которым граф Воронцов мог бы возненавидеть поэта.

Ещё в конце XIX века определились две точки зрения на проблему «Пушкин и Воронцов». Согласно воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, причиной конфликта стали интимные отношения между поэтом и супругой Воронцова, графиней Е.К. Воронцовой [4]. Впоследствии эту версию всячески пыталась обосновать Т.Г. Цявловская [5]. По мнению другого современника И.П. Липранди, чиновник Пушкин оскорблял своего начальника сочиняемыми на него эпиграммами, чем и вызвал его гнев [6]. Впоследствии появились и другие версии, утверждавшие, например, что Пушкин был выслан из Одессы по политическим соображениям [2].

Все эти предположения основывались на анализе, в целом, одних и тех же документов, что свидетельствует о том, какую большую роль в решении вопроса играл субъективный фактор. Однако, общий подход и, следовательно, общее заключение исследователей оставалось одинаковым: в том, что Пушкин был выслан из Одессы, был виноват, прежде всего, граф М.С. Воронцов.

Новая точка зрения обозначилось в последние два десятилетия в связи с публикацией трудов некоторых исследователей дворянского рода Воронцовых, смотревших на проблему со стороны, так сказать, «защиты Воронцова» [7]. Эта защита, прежде всего, предполагала снятие с Воронцова ложных ярлыков и обвинений, во множестве скопившихся как в научных изданиях, так и в общественном мнении в связи с тем же «пушкинским вопросом». В результате воронцоведы стали обвинять пушкинистов в предвзятом отношении к Воронцову и преднамеренном искажении исторических фактов. Возникло негласное противостояние, при этом каждая из сторон признаёт только свои аргументы и не воспринимает (или вообще не упоминает) доводы оппонентов.

Выход из сложившейся ситуации автор видит в новом подходе к обстоятельствам одесского периода жизни А.С. Пушкина. Говоря конкретно, мы предлагаем отказаться от поисков конкретного врага поэта и попытаться рассмотреть ситуацию возможно более широко, обсудить не только одесский, но и весь период 1820–1824 годов. Например, вспомнить причины и условия удаления Пушкина из Петербурга в 1820 году, его перевод из Екатеринослава в Кишинёв, а оттуда в Одессу и попытаться предста-

вить другие варианты развития событий. При этом в первую очередь следует полагаться на свидетельства самих Воронцова и Пушкина, а также на очевидцев их одесской жизни. Такой подход дает максимальную возможность для объективности суждений и позволяет увидеть истоки обсуждаемой проблемы.

Основная часть. Прежде всего, необходимо ещё раз обсудить отношения между Пушкиным и Воронцовым и, полагаясь только на документальные данные, снять предвзятое негативное отношение к последнему.

Как известно, в 1820 году, за три года до знакомства с Воронцовым, коллежский ассессор Коллегии внутренних дел А.С. Пушкин был переведен по служебной линии из Петербурга в Екатеринослав, в канцелярию Попечительного комитета о колонистах Южной России, находившегося в ведомстве Министерства иностранных дел. Новым начальником и негласным покровителем поэта стал генерал-лейтенант И.Н. Инзов, известный своим человеколюбием и либеральностью. Осенью 1820 года на генерала Инзова были временно возложены обязанности бессарабского наместника, его канцелярия переехала в Кишинёв. Для Пушкина начался трехгодичный период жизни в Бессарабии. Согласно Бухарестскому миру последняя ещё в 1812 году перешла от Турции к России, но продолжала оставаться пустынной и малонаселенной российской провинцией. Жизнь в Бессарабии могла напоминать ссылку, если бы не частные «командировки», позволявшие Пушкину генералом Инзовым.

28 мая 1823 года наместником Бессарабии был назначен новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов, чья канцелярия располагалась в Одессе. Ближайшие друзья и «опекуны» Пушкина А.И. Тургенев и князь П.А. Вяземский стали добиваться перевода поэта из Кишинева под начальство графа. Они были уверены, что рядом с Воронцовым Пушкину будет и легче, и полезнее. Служба у такого человека, каковым был граф Михаил Семенович, могла бы иметь большое положительное влияние на Пушкина. Несомненно, и поэт был согласен на такой перевод.

31 мая 1823 г. в письме к Тургеневу П.А. Вяземский писал: «...Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более, что *Пушкин точно хочет остепениться*, а скука и досада – плохие советники» [8]. [Здесь и далее курсив наш – В.А.]

В ответе А.И. Тургенева говорилось: «Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берёт его к себе от Инзова и *будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться*» [9].

Таким образом, можно говорить, что Пушкин попал к Воронцову добровольно и с желанием изменить свою жизнь, а граф обещал не препятствовать его поэтическому таланту, то есть покровительствовать.

Посмотрим, как же развивались отношения между этими людьми. А.С. Пушкин прибыл в Одессу в самом начале июля, чуть раньше своего будущего начальника, который приехал лишь 21 июля. 25 августа 1823 года поэт писал из Одессы к брату Льву Сергеевичу: «Вот в чём дело: здоровье моё давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем, приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе – кажется и хорошо – да новая печаль мне сжала грудь – мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинёв на несколько дней, провел их неизящно элегически – и, выехав оттуда навсегда, – о Кишинёве я вздохнул. Теперь я в Одессе – и все ещё не могу привыкнуть к европейскому образу жизни – впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре» [10].

Пушкину было дозволено бывать в доме генерал-губернатора, пользоваться его библиотекой, обедать у графа, а также присутствовать на одесских светских собраниях. Следовательно, *с самого начала ситуация развивалась по предполагаемому направлению, а обе стороны были вполне довольны друг другом.*

Что же изменилось в течение следующего года и почему с конца мая 1824 года отношения между Воронцовым и Пушкиным стали явно натянутыми?

В советской литературе причину видели только в графе Воронцове, которого обвиняли в притеснении Пушкина и даже в унижительной слежке за поэтом и чтении его писем. Посмотрим, что говорят документы и воспоминания очевидцев.

13 июня 1824 года княгиня В.Ф. Вяземская писала мужу из Одессы: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина – с его стороны... Я делаю всё, что могу, чтобы успокоить его; браню его от твоего имени, уверяя его, что, разумеется, *ты первый признал бы его виноватым, так как только ветреник мог бы так набедокурить*. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу – и сделал это; это стало известно, и, как и следовало ожидать, *на него не могли больше смотреть благосклонно*, что меня очень огорча-

ет, но никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нём...» [10].

Через 10 дней, 24–25 июня и сам Пушкин писал П.А. Вяземскому: «...Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, ещё не известно» [11].

Спустя и 10 лет после кончины Пушкина его биографы писали то же самое. Лично знавший поэта Д.Н. Бантыш-Каменский считал, что Пушкин «...по высочайшему повелению, уволен был от службы, а 11 числа [июля 1824 года – В.А.] велено перевести его из Одессы на жительство в Псковскую губернию, с тем, чтобы находился под надзором местного начальства. *Он сам подписал приговор свой резкими суждениями и вольными чересчур стихами, которые переходили из рук в руки и были предметом общего разговора и удивления*» [12].

Другой современник Пушкина К.П. Зеленецкий указывал: «...живя в Одессе Пушкин продолжал шалить... шалости 25-летнего поэта иногда переступали всякую меру, особенно в эпиграммах: это-то, равно как и разные знакомства, было причиною, что вскоре после своей херсонской командировки, Пушкин принужден был оставить Одессу» [13]. Отметим, что эпиграммы Пушкина касались не только графа Воронцова, но и некоторых одесских дам, а также чиновников канцелярии генерал-губернатора.

Прежде чем говорить о якобы предпринятых Воронцовым действиях, вспомним, что события происходили за год до выступления декабристов. Правительству были известны настроения, царящие среди офицеров Южной армии. В Петербурге собирались сведения обо всех, кто так или иначе выражал несогласие с существующим порядком, и Пушкин с его «разными знакомствами», «вольными чересчур стихами» и эпиграммами на одесское общество, конечно был на учете тайной полиции.

В такой обстановке генерал-губернатору ничего не стоило прямо или косвенно сообщить в Петербург о неблагонадежности Пушкина и избавиться как от него, так и от возможных упреков и подозрений в непринятии мер против инакомыслия. Хорошо известно, что граф и сам не пользовался особой благо-склонностью императора, а потому покровительство сочинителю эпиграмм могла бы дорого стоить Воронцову.

Между тем, граф продолжал покрывать «шалости» поэта и писал о нём в самых добрых словах. Подтверждением этому служат три письма, отправленные Воронцовым в Петербург по поводу Пушкина:

1. «... Что касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели, – он боится меня, так как прекрасно знает, что при первом же шуме, о котором я узнаю, я отошлю его отсюда, и что уж никто не пожелает взять его на своё попечение; я вполне уверен, что *он ведет себя гораздо лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове*, который забавлялся тем, что вступал с ним в споры, думая исправить его логическими рассуждениями, а потом позволял ему жить одному в Одессе, между тем, как сам он находился в Кишинёве. По всему видно, что я узнаю о нем и через Гурьева (одесского градоначальника – В.А.), и через Казначеева, и через полицию, – он очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, – я бы отослал его, – и лично я был бы в восторге от этого, потому что не люблю его манер; к тому же я не столь пламенный поклонник его таланта – нельзя быть истинным поэтом без постоянных занятий, а он совершенно не работает» [14]. (Письмо начальнику штаба 2-й армии П.Д. Киселёву от 6 марта 1824 года)

2. «... я говорил здесь с людьми, желающими добра Пушкину, и результат тот, что я напишу Нессельроде, чтобы просить перевести Пушкина в другое место. Здесь слишком много народа, и особенно людей, которые льстят его самолюбию, поощряя его глупостям, причиняющим ему много зла. Летом будет ещё многолюднее, и *Пушкин вместо того, чтобы учиться и работать ещё более собьется с пути... Так как мне не в чем его упрекнуть, кроме праздности, я дам о нём хороший отзыв Нессельроде и попрошу его быть к нему благосклонным*. Но было бы лучше для самого Пушкина, я думаю, не оставаться в Одессе» (Письмо к П.Д. Киселёву от 27 марта 1824 года)

«Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина; справедливость даже требует сказать, что *он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде*, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляет меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основной недостаток г. Пушкина – это его самолюбие... *Удалить его отсюда – значит оказать ему истинную услугу*. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора... да и, наконец, в самом Кишинёве он *найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество...* Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он *нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий...*» [15]. (Письмо к министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде от 28 марта 1824 года)

3. «А propos de молодых людей, я писал к гр. Нессельроду, прося, чтоб меня избавили от поэта Пушкина. *На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в разговорах гораздо скромнее*, нежели был прежде, но, первое, ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лени, другое – таскается с молодыми людьми, которые умножают самолюбие его, коего и без того он

имеет много... В Одессе много разного сорта людей, с коими едакая молодежь охотно видится и, *желая добро самому Пушкину, я прошу, чтоб его перевели в другое место, где бы он имел и больше времени, и больше возможности заниматься*, и я буду очень рад не иметь его в Одессе...» [13]. (Письмо к статс-секретарю императрицы Лонгинову от 8 апреля 1824 года)

Читая письма М.С. Воронцова, следует всегда помнить, что воспитанный в Англии, граф отличался необыкновенной пунктуальностью и требовал от подчиненных того же в делах. Нетрудно представить, какую противоположность составлял своему начальнику Пушкин, и каких усилий стоило Воронцову быть чрезвычайно сдержанным и даже доброжелательным в отзывах о поэте. Его отзывы о Пушкине ни в коей мере не были ни клеветой, ни доносами, а представляют собой исключительно положительные характеристики. При всём этом 42-хлетний генерал-губернатор откровенно пишет, что не любит манер Пушкина и не является поклонником его таланта. Такая честность несколько не порочит Воронцова, тем более, что у поэта, действительно, был тяжёлый характер.

Важно отметить, что в 1824 году у Пушкина были настоящие недоброжелатели, посылавшие донесения совершенно противоположные мягким воронцовским отзывам. Так, ещё 17 января 1824 года генерал-полицмейстер 1-й армии И.Н. Скобелев писал: «Не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные дарования свои употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения? Не соблазн ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение... Я не имею у себя стихов сказанного вертопраха, которые всюду ходят под именем: Мысль о свободе. Но, судя по выражениям, ко мне дошедшим (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки... Если б сочинитель вредных пасквилей немедленно, в награду, лишился нескольких клочков шкуры, было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий глас благомыслящих граждан делает строгий приговор?»

Мы предполагаем, что письмо Скобелева было не единственным донесением, отправленным в Петербург ещё до первых писем Воронцова. Что касается последнего, то граф своими положительными отзывами всячески сглаживал атмосферу вокруг Пушкина и только ходатайствовал о его переводе из Одессы. Можно только предполагать, что ожидало бы поэта, если бы он остался на юге еще на год и встретил бы декабрь 1825 года не у себя в Михайловском.

Обвинители Воронцова обычно говорят о «слежке», которую он установил за Пушкиным. В подтверждение этому они приводят цитату из письма начальника канцелярии Воронцова А.И. Казначеева кишиневскому полицмейстеру во время поездки Пушкина в Кишинев в марте 1824 года:

«...Пушкин с позволения графа Михаила Семеновича отпущен на несколько дней в Кишинев. Он малый славный и благородный, но часто во вред себе лишнее говорит... и неосторожен иногда. Граф пишет мне из Крыма, чтобы я тебя просил невидимо присмотреть за пылким молодняком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или прохождение времени...» [16]. Однако за многоточием в приведенной цитате следует фраза, которую обычно не приводят: «Если что узнаешь, наметь ему деликатно об осторожности и напиши мне о всем обстоятельнее».

Не исключено, что Воронцов имел неприятные разговоры с поэтом по поводу его слишком смелых высказываний и стихов и даже предостерегал его от грозящих неприятностей, отчего Пушкин стал намного осмотрительнее. Возможно, именно такая «слежка» оградила А.С. Пушкина от новых бед.

Ещё одной притчей во языцех стала история с саранчой. В мае 1824 года от Пушкина, как и от некоторых других чиновников канцелярии губернатора, потребовалось съездить с инспекцией в Херсонскую губернию (Херсонский, Александровский и Елисаветградский уезды) и оценить, насколько успешны меры, предпринимаемые в борьбе с саранчой. Вспышка численности этого насекомого могла превратиться в страшное бедствие и обернуться голодом для всего юга России. Однако, никакой ловли насекомых, как пишут в книгах, не требовалось, да и ловля эта была бы совершенно бесполезна: что мог сделать один человек против бесчисленных стай насекомых? От инспекторов требовалось лишь собрать сведения о грозящей опасности, поскольку ситуация была чрезвычайной.

Неожиданно для всех Пушкин вступил в переписку с начальством, приводя в свою пользу самые разные доводы. Обращаясь по поводу полученного предписания о поездке к А.И. Казначееву, поэт писал 22 мая 1824 года: «...Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. *Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель...*

Повторяю здесь то, что уже известно графу Михаилу Семеновичу: *если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме Его сиятельства*; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной... Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, *переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь...*» [17].

Далее в записке Пушкин ссылается на свою болезнь и обещает представить даже справку о врача. Кажется очень странным, что человек прикладывает столько сил, чтобы отказаться от выполнения край-

не важного и в целом не очень обременительного общественного дела, в то время как другие его сослуживцы приняли командировку за обычный служебный долг.

Осмелимся предположить, что Пушкин не видел ничего особенно унижительного для себя в этой командировке. Однако поездка в херсонские земли (Пушкин должен был выехать 23 мая) совпала с 25-летием Александра Сергеевича. Вряд ли можно сомневаться в том, что Пушкин и его друзья уже имели свои планы на это торжество, но командировка в Херсон их нарушала.

Единственным способом остаться в Одессе и отметить день рождения, стала попытка склонить начальство к отмене распоряжения графа Воронцова, что поэт и попытался сделать.

Любопытно заметить, что Б.Л. Модзалевский приводит ссылку на свидетельство И.П. Липранди, утверждавшего, будто, посылая Пушкина в экспедицию против саранчи, Воронцов не только не имел в виду оскорбить его, но хотел иметь повод к тому, чтобы по окончании командировки представить поэта к какой-либо награде или по крайней мере представить его в выгодном свете [13].

Отметим также, что, несмотря на уклонение Пушкина от поездки, никакого наказания за это не последовало. А вот несостоявшееся торжество дня рождения мог стать причиной эпиграммы на Воронцова.

31 июля 1824 года А.С. Пушкин навсегда покинул Одессу и с графом Воронцовым больше не встречался. Правда, узнав, что граф собрался приехать в Петербург, Пушкин писал брату зимой 1825 года: «Приехал граф Воронцов? узнай и отпиши мне, как отзывался он обо мне в свете – а о другом мне и знать не нужно». Но граф предпочел вообще не касаться своих отношений с поэтом, либо не считал их настолько серьезными, чтобы сообщать об этом в свете.

Тем не менее, многие впоследствии стали считать М.С. Воронцова главным врагом А.С. Пушкина. Барон А.А. Дельвиг предсказал эту ситуацию ещё осенью 1824 года в своем письме к лицейскому товарищу: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шёл, т.е. делай, что хочешь; но не сердись на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо льстит. Я не видел ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали...»

Таким образом, объективный подход к взаимоотношениям А.С. Пушкина и М.С. Воронцова показывает, что нет никаких оснований считать графа Воронцова врагом поэта и в этой связи приписывать ему самые неблагоприятные мысли и поступки. В течение всего времени пребывания Пушкина в Одессе М.С. Воронцов добросовестно выполнял своё обещание быть его покровителем и, можно сказать, сыграл весьма положительную роль в судьбе поэта.

Возвращаясь к вопросу о пребывании А.С. Пушкина на юге России, надо отметить, что, даже сняв все нелестные наговоры в адрес графа М.С. Воронцова, мы всё еще не приближаемся к решению вопроса об истинных причинах прекращения южной «ссылки» Пушкина. По нашему мнению, эти причины имеют более глубокие корни, нежели личные отношения поэта и новороссийского генерал-губернатора, и были порождены ещё в 1820 году.

К сожалению, для решения проблемы явно не хватает документального материала, позволяющего восстановить все подробности перевода Пушкина на юг России. Например, до сих пор остаются только предположительными условия, на которых граф принял поэта к себе в канцелярию, ведь формально до своей отставки в июле 1824 года Пушкин продолжал оставаться чиновником коллегии иностранных дел и подчинялся министру графу Нессельроде. Неясно, какая договоренность была достигнута между Воронцовым и Нессельроде в отношении Пушкина, и в какой мере он был обязан подчиняться Воронцову. Более того, мы не знаем исходного предписания, определяющего отъезд Пушкина из Петербурга в мае 1820 года, сроков его командировки и условий возможного возвращения в Петербург.

Сложность этой ситуации верно отмечала С.Л. Абрамович, писавшая, что «о жизни Пушкина в Одессе до нас дошло гораздо больше слухов и легенд, чем достоверных фактов» и что «мы пока не можем сказать совершенно определенно о том, что послужило непосредственным поводом письма Воронцова к Нессельроде от 28 марта 1824 года» [18]. Ещё более точно определил положение М.О. Гершензон в 1912 году: «Обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы... остаются до сих пор не выясненными. В этой истории несомненно есть какое-то *тёмное место*. Факты, нам известные... объясняют не всё» [3].

Приоткрыть завесу этой «тайны», на наш взгляд, можно путем возврата ко времени перевода Пушкина из Петербурга на юг России и условиям этого перевода.

Как известно, свободолюбивые стихи Пушкина стали причиной недовольства императора Александра I, намеревавшегося удалить «бунтаря» как можно дальше от Петербурга. Однако благодаря ходатайству Н.М. Карамзина и статс-секретаря коллегии иностранных дел графа И. Каподистрии поэт был срочно командирован на юг, в распоряжение генерала Инзова. Весьма вероятно, что известный либерал, член Петербургской Академии наук, граф Каподистрия (по словам Карамзина, «умнейший человек

нынешнего двора»), благоволил к молодому человеку и специально придумал для него эту командировку, избавляющую поэта от полицейского надзора.

Это предположение подкрепляет записка графа Каподистрии, датированная 5 мая 1820 года: «Император приказал вчера, чтобы коллегия выдала г-ну Пушкину, переводчику, тысячу рублей на дорожные расходы. Я прошу Вас, дорогой Поленов [директор хозяйственного управления – В.А.], сделать так, чтобы этот молодой человек смог получить эти деньги сегодня, с тем, чтобы ему выехать завтра утром. Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова. Сделайте одолжение, поговорите об этом с графом Нессельроде. Он об этом предупрежден. Мы были вместе, когда его императорское величество дал мне это указание. 5 мая, утро. Ваш Каподистриас» [17].

Из текста следует, что Пушкину надлежало покинуть Петербург практически немедленно, не более чем через день после разговора о нём с императором. Во чтобы то ни стало, надо было спешно удалить неугодного поэта из столицы. В этих условиях вряд ли можно было строить далеко идущие планы о его дальнейшей судьбе.

Надо отметить, что в 1820 году коллегией иностранных дел руководили одновременно и И.А. Каподистрия и К.В. Нессельроде, но авторитет в решении главных вопросов принадлежал Каподистрии. Было принято являться с докладами к императору обоим статс-секретарям одновременно, так что Нессельроде изначально было известно решение о судьбе Пушкина.

В личном письме, которое Пушкин также привёз с собой из Петербурга, Каподистрия писал, что, несмотря на серьёзный проступок молодого человека, последовавший не вследствие порока, а из-за юношеской неосторожности, *Пушкин направляется не для наказания, но для воспитания*, и что впоследствии он, Каподистрия, ценя высокие дарования молодого человека, *надеется иметь его при своей особе*.

Поездка с письмом к Инзову увела поэта от гнева императора, но его дальнейшая судьба оказалась неопределённой. Оставалось неизвестным, на какой срок Пушкин был отослан из столицы, какие служебные обязанности он должен нести, имел ли право на отпуск и свободу передвижения и при каких условиях мог рассчитывать на возвращение в Петербург.

Н.М. Карамзин писал в это время князю П.А. Вяземскому: «Пушкин был несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на 5... Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности; но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чёртом еще до отбытия своего в ад» [18].

Изначальная неопределённость растянулась на 4 года: с 1820 до начала 1824 года. За это время Пушкин переехал из Каменки в Кишинёв, а оттуда в Одессу, но положение оставалось прежним. Он оставался предоставленным самому себе, а все служебные отношения сводились к получению приходящего ему из Петербурга жалования от коллегии иностранных дел.

Ситуация становилась всё более и более запутанной. Единственным регулирующим положение документом служило письмо к генералу Инзову от 1820 года, однако инициатор перевода Пушкина на юг граф Каподистрия ещё в августе 1822 года был по политическим мотивам выслан из России, а новый министр граф Нессельроде ничего не предпринимал в отношении Пушкина. Возможно, он считал возвращение поэта преждевременным или просто остерегался напоминать об этом императору.

Стало ясным, что в отношении Пушкина надо что-либо предпринимать, поскольку его бессмысленное пребывание на юге слишком затянулось. По-прежнему продолжавшие руководить судьбой поэта А.И. Тургенев и кн. Вяземский попытались смягчить ситуацию путем переподчинения Пушкина графу Воронцову. Бывший главным виновником устройства поэта в Царскосельский лицей, А.И. Тургенев совершенно искренне полагал, что его политический единомышленник М.С. Воронцов будет и для Пушкина лучшим из всех возможных начальников. Но переезд в Одессу только на время оттянул разрешение дела.

Между тем, обстановка в стране менялась очень быстро. В южной армии уже существовали управы Союза благоденствия, что делало юг далеко не лучшим местом для исправления политических взглядов, тем более, что Пушкин был тесно знаком со многими офицерами, впоследствии привлекавшимся по делу о восстании 14 декабря. Своеобразным сигналом стало и то, что в мае 1824 года главный заступник поэта А.И. Тургенев за противоправительственные высказывания был отстранен от службы, и через два месяца покинул Россию.

Мы полагаем, что первым, кто осознал необходимость изменения положения Пушкина, стал граф М.С. Воронцов. Именно поэтому еще в марте 1824 года (то есть еще до пушкинских эпиграмм, злосчастной командировки на саранчу) он изложил Нессельроде свое мнение о том, что пора не только вернуться к судьбе Пушкина, но даже и перевести поэта в другую губернию. Одновременно граф подтверждал благонадёжность молодого человека, что при желании можно было использовать и для его возвращения в столицы.

Подтверждением сказанному служат первые слова уже цитированного нами письма Воронцова к Нессельроде:

«Граф! Вашему Сиятельству известны причины, по которым не столь давно молодой Пушкин был сослан с письмом от графа Каподистрия к генералу Инзову. Когда я приехал сюда, генерал Инзов представил его в моё распоряжение, и с тех пор он живёт в Одессе... *Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина; справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде*, но собственные интересы молодого человека, не лишённого дарований... заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе... Удалить его отсюда – значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора... да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество... Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий...».

Вполне очевидно, что граф, во-первых, напоминает о необходимости завершения дела, начатого ещё графом Каподистрия, во-вторых, хорошими отзывами об исправлении, даёт основания для прекращения наказания (даже подчеркивает молодость поэта), и, в-третьих, советует подумать о том, куда лучше перевести Пушкина с юга. Слова «в другую губернию» вовсе не означают «поселить в глушь» или отправить в ссылку, как иногда пишут. Граф Воронцов ни коим образом не был связан с переводом Пушкина в Михайловское, а, напротив, своими хорошими отзывами пытался смягчить положение поэта.

Нередкие в научной литературе предположения, что добрые слова Воронцова о Пушкине были завуалированной интригой, являются всего лишь предположением, поскольку граф не мог опасаться разглашения его переписки. При желании Воронцов мог бы открыто обличить Пушкина в нежелании служить, в порочащем честь поведении и свободомыслии, что благотворно отразилось бы на его собственной карьере. Ничего этого сделано не было. Напротив, Воронцов берёт на себя смелость судить о характере поэта: говоря, что Пушкин *«кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде»*, он ставит себя в положение давно знавшего Пушкина человека, хотя в действительности, был знаком с ним всего семь месяцев.

То, что Воронцов писал Нессельроде о Пушкине абсолютно без всякой мысли об интриге или мести, признают даже некоторые пушкинисты. Так, С.А. Абрамович писала: «Что же произошло между Пушкиным и Воронцовым в январе – марте 1824 года?

В том-то и дело, что ничего! Решительно ничего такого, что стало бы достоянием гласности. В одесских материалах, письмах, воспоминаниях, относящихся к этим месяцам, нет ни одного намёка, даже самого слабого, на какой-либо инцидент или столкновение между поэтом и графом.

У нас нет никаких сведений о том, что Пушкин в это время позволил себе какой-то враждебный выпад против Воронцова» [19]. (Как документально показано этим же автором, пресловутая эпиграмма появилась не ранее конца мая 1824 года)

Можно предположить, что если бы на первое письмо Воронцова пришёл скорый ответ, то Пушкин мог быть переведён ближе к столице с оставлением его в штате коллегии иностранных дел. Однако задержка решения из Петербурга более чем на два месяца привела к появлению резких пушкинских эпиграмм, обострению его отношений с Воронцовым, обнаружению письма «об уроках атеизма» и, в конечном счете, к прошению поэта об отставке.

Положение дел проясняет письмо, полученное Воронцовым уже летом 1824 года: «Правительство совершенно согласно с Вашими заключениями относительно Пушкина, но к сожалению, пришли ещё к убеждению, что последний несколько не отказался от дурных начал, ознаменовавших первое время его публичной деятельности. Доказательством тому может служить препровожаемое при сем письмо Пушкина, которое обратило внимание московской полиции по толкам, им возбуждённым. По всем этим причинам правительство приняло решение исключить Пушкина из списка чиновников министерства иностранных дел с объяснением, что мера эта вызвана его дурным поведением, а чтоб не оставить молодого человека вовсе без присмотра и тем не подать ему средств свободно распространять свои губительные начала... правительство повелевает, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина в имение его родных, в Псковскую губернию, подчинить его там надзору местных властей и приступить к исполнению этого решения немедленно» [20].

Заметим, что слова этого письма *«к сожалению, пришли еще к убеждению, что последний несколько не отказался от дурных начал, ознаменовавших первое время его публичной деятельности»*, бросают тень подозрительности на Воронцова, ещё недавно сообщавшего в Петербург о том, что Пушкин стал вести себя гораздо лучше, чем прежде.

Прошение об отставке было неожиданным для Воронцова. 9 июля он писал Нессельроде: «Дорогой граф, Пушкин подал прошение об отставке. Не зная, откровенно говоря, как поступить, ... я посылаю его вам в частном порядке и прошу Вас либо дать ему ход, либо вернуть мне в зависимости от того, как Вы рассудите» [21].

Из этого письма следует, что по закону граф был обязан переправить прошение Пушкина его непосредственному начальнику в Коллегию иностранных дел, что он и сделал. Однако письмо об отставке было послано в частном порядке, и значит Воронцов всё еще оставлял возможность не доводить дело до государя и был готов принять любое решение министра.

Министр дал ход прошению Пушкина. Как вспоминал Ф.Ф. Вигель, «государь *по докладу Нессельроде* повелел Пушкина отставить от службы и сослать на постоянное жительство в отцовскую деревню». Неизвестно, в какой форме был сделан доклад Нессельроде, чьи письма и донесения были представлены императору, но именно этот доклад и определил решение государя. Иными словами, если и искать ближайшую и непосредственную причину ссылки Пушкина в Михайловское, то она, конечно, более всего заключается в докладе министра, нежели чем в личных отношениях А.С. Пушкина и М.С. Воронцова.

Интересно, что идея патронажа над Пушкиным каким-либо мудрым покровителем продолжала жить в дружественном окружении поэта даже после его высылки из Одессы. И таковой человек был найден в лице генерал-губернатора Псковской и прибалтийских губерний Ф.О. Пауллуччи. Узнав об отставке и предстоящей ссылке Пушкина, А.И. Тургенев 1 июля поделился своими соображениями с Вяземским: «Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. *Желая во что бы то ни стало отставить его при нём*, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно..., что *надобно искать другого мецената-начальника*. Долго вчера толковал я о сем с Севериным, и мысль наша остановилась на Пауллуччи, тем более что Пушкин и псковский помещик. Виноват один Пушкин...».

Выводы. Подводя итог, следует вполне определённо сказать, что граф М.С. Воронцов стал первым, кто попытался напомнить правительству (в лице министра Нессельроде) о затянувшемся пребывании Пушкина на юге России. Положительными отзывами о поведении поэта Воронцов дал основание для перевода его в другие, более близкие к столицам губернии. К сожалению, дело затянулось и закончилось совсем не предсказуемо: вместо поощрительного перевода и прекращения южной «ссылки» Пушкин оказался в настоящей ссылке в Михайловском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тен, В. Кто решил судьбу Пушкина в 1824 году / В. Тен // Московский журнал. – 2004. – № 7.
2. Аринштейн, Л.М. К истории высылки Пушкина из Одессы. Легенды и факты / Л.М. Аринштейн // Пушкин. Исследования и материалы. Т.Х.л. – 1982. – С. 286–304.
3. Абрамович, А.С. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым / А.С. Абрамович // Звезда – 1974. – № 6. – С. 191–199.
4. Вигель, Ф.Ф. Записки / Ф.Ф. Вигель. – Ч. 6. – М., 1892.
5. Цявловская, Т.Г. «Храни меня, мой талисман» / Т.Г. Цявловская // «Прометей». – М., 1974. – № 10.
6. Липранди, И.П. Записки / И.П. Липранди // Русский архив. – 1866. – № 10. – Стб. 1477–1478.
7. См.: Удовик, В.А. М.С. Воронцов в изображении пушкинистов / В.А. Удовик // Труды Воронцовского общества. – Вып. 4. – Петушки, 1999. – С. 131–138; Удовик, В.А. Светлейший князь М.С. Воронцов. Человек, полководец, государственный деятель / В.А. Удовик, В.О. Кацик. – СПб, 2000.
8. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. 1799–1824. – М., 1999. – Т. 1. – С. 324.
9. ПСС. Т.ХІІІ. – С. 67.
10. Цявловский, М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина / М.А. Цявловский. – М., 1951. – Т. 1. – С. 479.
11. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – Т. 13. – С. 98.
12. Бантыш-Каменский, Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли / Д.Н. Бантыш-Каменский. – СПб., 1847. – Т. 2. – С. 71–72.
13. Модзалевский, Б.Л. Пушкин и его современники / Б.Л. Модзалевский. – СПб., 1999. – с. 143.
14. Пушкин и современники. – Вып. 37. – Л., 1928. – С. 140.
15. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. 1799–1824. М., 1999. – Т. 1. – С. 383–384.
16. Удовик, В.А. Светлейший князь М.С. Воронцов. Человек, полководец, государственный деятель / В.А. Удовик, В.О. Кацик. – СПб, 2000. – С. 89.
17. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин. – Т. 13. – С. 93.
18. Гершензон, М.О. Образы прошлого / М.О. Гершензон. – М., 1912. – С. 33.
19. Арш, Г.Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. / Г.Л. Арш – М., 1976. – С. 44.
20. Русский Архив. – 1897. – № 7. – С. 493.
21. Щеголев, П.Е. А.С.Пушкин и гр. М.С. Воронцов / П.Е. Щеголев // Красный архив. Исторический журнал. – 1930. – Т. 1 (38). – С. 179.